

УДК 81'42:821.161.1

DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.09

**РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ
К. Г. ПАУСТОВСКОГО:
АКАЦИЯ В АСПЕКТЕ
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ
КОЛОРИСТИЧЕСКОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ**

**FLORA IN K. G. PAUSTOVSKY'S ART AXIOLOGY:
ACACIA IN THE ASPECT OF AUTHOR'S COLORISTIC
VISUALIZATION**

**Татьяна Викторовна Сивова
Гродненский государственный университет,
Гродно, Беларусь**

**Tatyana Viktorovna Sivova
Grodno State University,
Grodno, Belarus**

Аннотация

В статье на материале произведений, включенных в Собрание сочинений К. Г. Паустовского, реконструируется один из фрагментов колористической картины мира писателя. На фоне отмеченной аксиологической модальностью многосторонней характеристики акации представлена значимая для авторского мировосприятия цветовая составляющая ее описания. Выявлен колористический спектр, используемый К. Г. Паустовским для визуализации растения, функциональный потенциал терминов цвета, описана специфика индивидуально-авторской перцепции и визуализации акации, что способствует комплексной реконструкции языковой картины мира писателя.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвистика цвета, флора, акация, идиостиль, К. Г. Паустовский.

Abstract

In the article, one of the significant fragments of K. G. Paustovsky's linguistic picture of the world was reconstructed on the basis of the writer's Collected Works (in 9 volumes). Taking into account the important status of acacia in the

axiological space of culture, in national and individual linguistic consciousness, in the chronotope of modernity, it seems appropriate to identify and describe the author's specificity of acacia perception and visualization based on the extensive material of K. G. Paustovsky's prose.

The methodological basis of this article is comprised by the key provisions of color linguistics, set forth in V. G. Kulpina's works, as well as in scientific research of R. M. Frumkina, A. P. Vasilevich, V. K. Kharchenko. Of particular importance in the light of coloristic component significance in the linguistic picture of the writer's world is reconstruction of one of the fragments of color natural space of K. G. Paustovsky's prose exemplified by the dendronym acacia. Against the background of acacia multilateral characteristics (spatial, actional, humidity, odorant, temporal, acoustic, parametric, tactile, taste and anthropomorphic among them), marked by axiological modality the specifics of the author's color visualization of acacia was presented.

As the result of this study, the amplitudinous color spectrum used by K. G. Paustovsky to visualize the plant, which includes 9 color terms (in alphabet order: black, dove-colored-yellow, gray, green, rusty, silver, sulfur color, white, yellow), was revealed. The color terms prevailing in this registry are yellow, white, green, the prose color palette expands to include the author's color terms. The powerful functional potential of color terms has been revealed too, which is manifested both in the ontological and classification-taxonomic functions. The multifunctional coloristic characteristic of acacia was revealed demonstrating the author's individual perception specificity actualized in significant spatial planes of K. G. Paustovsky's works (not only in the space of nature, but also in the space of the city, in the space of creativity), which is important in the reconstruction of the unique coloristic picture of the writer's world. Moreover — supplemented by the plant's multilateral characteristic marked by axiological modality — in the reconstruction of K. G. Paustovsky's linguistic picture of the world, it seems significant in the light of the anthropocentricity of modern linguistics.

Key words: linguistic picture of the world, linguistics of color, flora, acacia, individual style of writing, K. Paustovsky.

Введение. Аксиологическая значимость природы в картине мира К. Г. Паустовского стала аксиомой для исследователей его творчества. Так, Е. В. Летохо отмечает, что «в структуре художественного текста авторская аксиология наиболее последовательно раскрывается в подходах к изображению природы и личности» [Летохо 2010: 5]. С. А. Мантрова подчеркивает, что «в аксиологии писателя “природа” оказывается рядом с понятиями “родина”, “красота”, “любовь”, “гуманизм”» [Мантрова 2011: 16], а «жизнь “полезных” растений и жизнь “новых людей” аксиологически равнозначны для Паустовского» [Мантрова 2011: 13]. Т. В. Сапрыкина в статье «Эстетический идеал К. Г. Паустовского: прекрасное в природе»

делает заключение о том, что «в новеллах Паустовского прекрасное мыслится как совершенный миг жизни, связанный зачастую именно с природным описанием и восприятием ее человеком» [Сапрыкина 2011: 198]. Таким образом, вывод С. А. Мантровой о том, что К. Г. Паустовский ставит природу «на вершину собственной системы ценностей, своей аксиологии» [Мантрова 2011: 15], представляется абсолютно правомерным.

В языковой картине мира писателя пространство природы закономерно находит отражение, проявляя специфику индивидуально-авторской перцепции и визуализации значимого фрагмента картины мира К. Г. Паустовского¹. Выявление особенностей колористической визуализации растительного мира² раскрывает перед лингвистами возможности как описания растительного кода произведений, так и реконструкции колористической картины мира писателя, что значимо для комплексного описания языковой картины мира К. Г. Паустовского.

Материалом данного исследования послужили произведения, включенные в Собрание сочинений: В 9 т. [Паустовский 1981–1986]. Видится целесообразным в свете значимости пространственной координаты (пространство природы) и колористической составляющей языковой картины мира писателя воссоздать один из фрагментов цветового природного пространства его произведений на примере функционирования лексемы *акация* ‘название нескольких видов деревьев и кустарников семейства бобовых’ [БТСРЯ 2000: 31], количество словоупотреблений которой в исследуемых текстах — более 100. **Теоретической основой** работы являются ключевые положения лингвистики цвета, изложенные в трудах В. Г. Кульпиной [Кульпина 2001; Кульпина 2019], а также Р. М. Фрумкиной [Фрумкина 1984],

¹ Отдельные результаты исследований представлены в докладах «Орнитологический код рассказов К. Г. Паустовского через призму цвета» (V Междунар. конгресс «Андалузские славянские сессии», Университет Гранады, 2019 г.); «Колористическая визуализация солнца в языковой картине мира К. Г. Паустовского» (X Междунар. науч. конф. «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах», Челябин. гос. ун-т, 2020 г.); «Дендронимический код произведений Паустовского через призму цвета. Концепт дуб» (IV Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы исследования», БГУ, 2020 г.) и др.

² Некоторые результаты исследований изложены в докладах «Флористический код произведений К. Г. Паустовского в терминах цвета. Цвет винограда» (XV Междунар. Карские чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации», Гродн. гос. ун-т, 2020 г.); «Фитоним *мах* в репрезентации колористической картины мира К. Г. Паустовского» (XI Междунар. науч.-практ. конф. «Перевод. Язык. Культура», Ленинград. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2020 г.); «Колористическая визуализация дендронимического пространства в языковой картине мира К. Г. Паустовского. Концепт берёза» (X Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике, Урал. гос. пед. ун-т, 2020 г.) и др.

А. П. Василевича [Василевич 2005], В. К. Харченко [Харченко 2009]. **Методологической основой статьи** является комплекс методов, используемых на разных этапах работы, включая метод сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, количественной обработки данных.

Основная часть. Важно отметить, что акация константно присутствует в поле исследовательского внимания лингвистов. Так, Е. В. Михайлова, исследуя функционирующие в ранних англо-, франко- и японоязычных версиях Библии слова и словосочетания, репрезентирующие тематическую группу «Деревья и кустарники», выявляет особенности перевода лексемы *ситтим*, обозначающей упоминаемое в Библии дерево из рода акаций [Михайлова 2019]. Согласно исследованиям Е. П. Мачихиной, акация входит в список флористических текстовых единиц художественных произведений Б. Л. Пастернака, отражающих «его авторскую картину мира, состояние языковой системы, опыт современного читателя, формирующих семантику текстов» [Мачихина 2008: 114]. В идиостиле Н. С. Гумилева «эмотивная функция фитонимов связана с символической передачей различных оттенков и проявлений чувства любви, с выражением символических значений, характеризующих внутренний мир лирического героя»: акация и мимоза в его произведениях — знаки идеального мира [Тарасенко, Соколова, Паршина 2018: 1]. Е. В. Женевская, обращаясь к лексикографическим источникам и масс-медийному дискурсу английского языка, рассматривает «австралийский иконический концепт *golden wattle* и новозеландский иконический концепт *silver fern*, воплощающие национальные ценности и являющиеся частью национальных картин мира австралийцев и новозеландцев» [Женевская 2013: 105]. Исследователь подчеркивает, что концепт *golden wattle*, соотносимый со значением ‘широколиственная австралийская акация, производящая смолу и дубильные вещества’, ‘любая похожая акация, особенно сиднейская золотистая акация’, коррелирует с флористической эмблемой Австралийского союза, «желтый и зеленый цвета являются национальными цветами, и именно золотистая акация послужила источником такого выбора» [Женевская 2013: 108]. Таким образом, разнообразие фактического материала исследований, широта их проблемного диапазона свидетельствуют о важном статусе акации в аксиологическом пространстве культуры, в национальном и индивидуальном языковом сознании, в хронотопе современности.

Акация значима и в дендронимическом коде произведений К. Г. Паустовского, что подтверждает широкое функционирование лексем *акация*, *акациевый* в корреляции с лексемами *семя* («в лицо били семена акаций»), *стручок* («высохший стручок акации»), *лепесток* («настил акациевых лепестков»), *цветок* (описание цветов акации), *лист* («тень перистых акациевых листьев»), *листва* («сухая акациевая листва»), *ветка* («за окнами ветки акаций»), *ствол* («на сухом стволе акации»), *деревце*

(«с особой заботой к молоденьким деревцам» [акации]), *заросль* («сквозь заросли акаций»), *куст* («в кустах акаций»), *лес* («удар фёна по акациевым лесам»), а также *дрова* («покупал акациевые дрова»), *тень* («нежная тень акации»). В контекстах: «Огромными облаками вспухала над городом пыль, рявкали зенитки, в стены швыряло оторванные *ветки акаций*» (здесь и далее выделено нами. — Т. С.) [Паустовский 1983а: 273]; «глубоко вздохнуть, когда неожиданный ветер прорвется по невидимому фарватеру среди стен, оград, памятников, остатков бастионов, *кустов акации* и ударит в лицо» [Паустовский 1982в: 217].

Создавая целостное представление об акации, писатель наделяет ее широким спектром характеристик, среди которых значимы:

— пространственная («в тени одесских акаций»; «деревца акации на известковом и безлюдном бульваре»; «в самую гущу этих уличных акаций»; «росли в сквере акации»; «акация около портовой конторы»; «кусты акаций на берегу»; «качались лампы, и окна, и акации за ними» и др.): «Сухие *кусты акации* росли на *щебенчатой земле*» [Паустовский 1982б: 359], причем дендроним *акация* не только организует систему локальных пространственных координат («сидел на корточках под акацией»; «пить под акациями вкусную воду»; «продавали под акациями первые цветы»; «у танков, спрятанных под акациями»; «в холодке под акацией»; «под корнями тamarиска и акации»; «в зарослях акаций по краям полей»; «сидят на старой акации»; «исчез среди отцветающих акаций» и др.): «*Ветер* прошумел в *акациях*, рванул ее платье» [Паустовский 1981а: 254]; «За окном было видно море, на углу под акацией спал сидя чистильщик сапог, морщинистый и бессловесный айсор» [Паустовский 1981а: 278], но и участвует в создании общего представления о пространстве города: «Вот он здесь, этот город [Севастополь], — в горячем дне, в перистой *тени акаций*» [Паустовский 1982б: 129];

— акциональная («цвели акации»; «когда акация осыпается»; «дрожащие от ветра кусты акации»; «в лицо били семена акаций, вылетающие из лопнувших стручков»; «лежала сломанная акация» и др.): «*Листья акаций* уже не плавали по чистым лужам, а давно *утонули* в них» [Паустовский 1982б: 701]; «*Листья* ее [акаций] еще *не увяли*, *шумели* от ветра и *бросали тень* на мраморную доску» [Паустовский 1983б: 322];

— влажностная, в которой доминирует признак «не покрытый или не пропитанный водой, влагой» («высохшие акации»; «шелест подсыхающих акаций»; «по настилу сухих акациевых лепестков»; «высохший стручок акации»; «в сухой листве акаций»; «с ворохами сухой акациевой листвы»; «на сухом стволе акации»; «в тени от сухих кустов акаций» — «прислонялся к мокрым акациям»): «Сохли акации» [Паустовский 1981б: 42]; «Люди идут с фонарем, его свет падает на *мокрую листву акаций*» [Паустовский 1984: 137];

– одоративная («смешанный с запахом акаций»; «пахнет пыльной акацией»; «запах промокшей листвы акаций»; [очерки] «пахли морем, акацией» и др.): «Пушкин (оборачивается, смотрит на ночное море, повторяет слова Вигеля). Всегда я так! Пустое! Вы лучше послушайте, *как тянет акацией*» [Паустовский 1984: 115], значимая при создании пространства человека: «Он [Багрицкий] был весь прогрет югом, жаром желтого ноздреватого известняка, из которого построена Одесса, *пропах* полынью, солью, *акацией* и морем» [Паустовский 1982а: 361] и пространства города: «*Севастополь!* Помните, какая там очень-очень прозрачная и зеленая вода? Особенно под кормой пароходов. И *запах* поломанных взрывами *сухих акаций*» [Паустовский 1983а: 323];

– темпоральная («шелест старых акаций»; «сидят на старой акации»; «в тени старых акаций»; «в зелени столетних акаций» и др.): «*Под старой акацией* лежала на подостланном одеяле сестра Торелли» [Паустовский 1982в: 54]; «Вдоль тротуаров зацвели *старые акации*» [Паустовский 1982в: 23];

– аудиальная («шумят акации»; «шелест подсыхающих акаций»; «свистели ветви акаций»): «Земля покачивалась и волновалась *от шума акаций* и ветра» [Паустовский 1981а: 511], отмеченная образностью: «Когда акация осыпается, ветер несет вороха цветов по улицам. Они *с шумом, подобно сухому прибою*, катятся по мостовым и набегают на садовые ограды и стены домов» [Паустовский 1982б: 466], лежащая в основе ассоциативно обусловленных аудиальных параллелей: «Когда я вернулся домой, елку тотчас зажгли и в комнате началось такое веселое *потрескивание свечей, будто* вокруг непрерывно *лопались* сухие *стручки акации*» [Паустовский 1983б: 432];

– параметрическая («маленькие кусты акации»; [акация] «дрожала маленькими листьями»; «нет перистых акаций»; «в перистой тени акации»): [сорт белой акации] «Дает *стройные* и *высокие стволы* и никогда не гниет» [Паустовский 1982а: 129];

– характеристика «состоящий из множества близко/далеко расположенных друг к другу однородных предметов» («среди редких акаций» — «густая акация»): «*Густые кусты акации* нависают над полуразрушенной прибором подпорной стеной» [Паустовский 1984: 129];

– тактильная: «Все это было прекрасно, но, как только мы приехали, началась смертоносная небывалая жара — до 44 градусов — и ни капли тени. Кругом только полынь и *колючие* маленькие *кусты акации*» [Паустовский 1986: 386];

– вкусовая: «Мальчишки сидят *на старой акации* и набивают рот сухими *сладкими цветами*» [Паустовский 1983б: 399];

– антропоморфная: «Из Аравии тянуло зноем, как от постели больного тропической лихорадкой. В Суэце мы видели последнюю зелень — пыль-

ную акацию около портовой конторы. Она дрожала маленькими листьями и, казалось, *просила пить*» [Паустовский 1983а: 74].

Важно отметить, что, в силу значимости в мировосприятии К. Г. Паустовского колористической составляющей [Сивова 2019], цветовая характеристика акации закономерно занимает одно из ключевых мест. Так, колористический спектр, используемый писателем для визуализации растения, включает 9 терминов цвета, среди которых в количественном отношении (количество словоупотреблений) преобладают *желтый, белый, зеленый* (в пределах 10), в меньшей степени представлены термины цвета *ржавый, серебряный, серый, черный*. Палитра расширяется цветовым композитом *сизо-желтый* и авторским цветообозначением *цвет серы*. В качественном отношении (количество терминов цвета) в палитре доминирует блок цвета [Фрумкина 1984: 54] «серые»: *серый, черный*, а также «промежуточные» имена цвета: *серебристый/серебряный, сизый (сизо-желтый)*, представлены в меньшей мере блоки «желтые»: *желтый*, «зеленые»: *зеленый*, «белые»: *белый*, квазиблок «оранжевые»: *ржавый*.

Термин цвета *желтый* в визуализации акации коррелирует с лексемами *лист, листва, цветок, дрова, стручок*, непосредственно указывая на цвет объекта: «Только колючие кусты держи-дерева и чахлая акация с желтыми сухими цветочками росли в палисадниках» [Паустовский 1982б: 68]; «Лиза топила печку желтыми акациевыми дровами» [Паустовский 1982б: 137], фиксируя влияние внешних природных факторов: «Листва акаций уже желтела (хотя был только июнь)» [Паустовский 1981а: 278]; «Теперь они [листья акации] лежали под водой на плитках тротуаров желтыми гниющими пластинами» [Паустовский 1982б: 701]. Помимо онтологической функции, актуализируется, в терминологии В. Г. Кульпиной, классифицирующе-таксономическая функция термина цвета *желтый*, которая «проявляется в сфере выделения видов и подвидов каких-либо живых существ, растений или же неодушевленных предметов и субстанций (*желтая акация* в отличие от *белой акации*)» [Кульпина 2019: 283]: «Вспомнилась осень у моря, в сухом дыму, ветре и треске *стручков желтой акации*, осень в Москве, холодная и вяжущая, как антоновка» [Паустовский 1981а: 171]. Писатель акцентирует внимание на интенсивности окраски: «Все вокруг было усыпано их [акаций] *желтоватыми цветами*» [Паустовский 1982в: 23], расширяет палитру оттенками цвета: «Был сухой день поздней осени. Вороха *сизо-желтых листьев акации* шумели под ногами» [Паустовский 1983а: 471], передает значение «желтый» опосредованно: «*акациевые дрова, похожие по цвету на серу*, продавались в Одессе только щепками» [Паустовский 1982в: 28]. Ср.: *сера* «легко воспламеняющееся вещество желтого цвета» [БТСРЯ 2000: 1176].

В прозе К. Г. Паустовского желтый цвет акации обнаруживает тенденцию движения к термину цвета: «Его [Азовского моря] *вода была по цвету похожа на желтоватую листву акаций*» [Паустовский 1983а: 471], что получает развитие в современной языковой картине мира. Ср. с терминами цвета, зафиксированными А. П. Василевичем: *цветущая акация* «бледный серовато-канареечный» [Василевич 2005: 156], а также на основе термина цвета *зеленый: нежная акация* «светлый серовато-зеленый» [Василевич 2005: 153].

Термин цвета *белый*, функционируя в пространстве природы, указывает на вид растения: «Тут у меня есть еще один *сорт белой акации*, так называемой *мачтовой*» [Паустовский 1982а: 129]; «В степях нужно сажать можжевельник и *белую акацию*, а на солончаках — *тамариск*» [Паустовский 1983б: 306] и на его цвет: «Тот [Пятирубель] спал в садочке около дома, в холодке *от куста белой акации*» [Паустовский 1982в: 125], становясь основой для создания высокохудожественных колористических описаний: «В ураганах красноватой пыли она [Невская] увидела и запомнила на всю жизнь первый жестокий удар фёна *по акациевым лесам*. Фён одним взмахом снял с деревьев, *как мыльную пену, море белых цветов* и поднял их в слепое небо» [Паустовский 1981а: 532]. Писатель расширяет сферу функционирования номинации *белая акация* от собственно природного пространства до пространства города: «Я рассказал о *Таганроге, городе белых акаций*, сонном и чистом, на берегу бледного моря» [Паустовский 1981а: 105], пространства творчества (поэтического слова) [интертекст, Б. Л. Пастернак]: «О вечной новизне каждого шедевра сказал другой поэт, и сказал с необыкновенной точностью. Слова его относились к морю: Придается всё / Лишь тебе не дано примелькаться / Дни проходят, / И годы проходят, / И тысячи, тысячи лет. / В белой рьяности волн, / Прячась / *В белую пряность акаций*» [Паустовский 1983а: 583].

Термин цвета *зеленый* создает колористическую характеристику листвы и плодов акации: «Он [завод] стоял над обрывом на берегу моря, *весь в зелени столетних акаций* и запахе горячей макухи» [Паустовский 1981б: 504]; «Посреди площади росли в сквере *акация*. Они уже отцвели. На ветвях висели большие *зеленые стручки*» [Паустовский 1981б: 525], лежит в основе отмеченных образностью художественных описаний растения, специфичных темпоральной обусловленностью: «До края земли, взбегая на увалы и спускаясь с них, тянулась, *как зеленая река, широкая полоса молодых посадок*. Но это не были дубки. Это были *акация* и татарский клен» [Паустовский 1981б: 548]. Помимо пространства природы, номинация актуализируется в пространстве города: «Золотой сумрак солнца сеется *сквозь низкую и пышную зелень акациевых бульваров* [Паустовский 1983б: 70]; помню душную Одессу, теплый свет на широких улицах, пыльную *зелень акаций*» [Паустовский 1981а: 169].

Спорадически акация получает колористическую характеристику с помощью цветообозначений, принадлежащих блоку «серые» (*серый, черный*), квазиблоку «оранжевые» (*ржавый*), а также «промежуточных» имен цвета (*серебряный*). Функциональный потенциал данных терминов цвета проявляется в создании внешней колористической характеристики растения: «Густая акация с отливающими серебром лепестками» [Паустовский 1982в: 373], обусловленной влиянием внешних факторов: «Ветки акаций стали чернее, полил дождь» [Паустовский 1981а: 81], временем восприятия: «Тогда вы должны помнить эти медные сумерки, когда акации сереют от пыли и в море лежит тишина» [Паустовский 1983а: 45]; «пустыньность его [Севастополя] приморских улиц, какая-то прозрачная хрустальная зима, синий свет неба и бухт, причудливый план этого города, целительный воздух, гул штормов и ржавая листва акаций, молодые моряки и философы-лодочники» [Паустовский 1984: 291].

Выводы. Таким образом, создавая комплексное представление об акации, К. Г. Паустовский актуализирует широкий спектр характеристик, среди которых — пространственная, акциональная, влажностная, одоративная, темпоральная, аудиальная, параметрическая, тактильная, вкусовая, антропоморфная. Колористическая характеристика закономерно занимает в этом реестре одно из ключевых мест. В цветовом спектре, используемом писателем для визуализации растения и представленном 9 терминами цвета, преобладают термины цвета *желтый, белый, зеленый*, цветовая палитра расширяется до включения авторских цветообозначений. Функциональность терминов цвета проявляется как в онтологической функции, так и в классифицирующе-таксономической. Раскрывающая авторскую специфику восприятия полифункциональная колористическая характеристика акации, актуализируемая в значимых пространственных плоскостях произведений К. Г. Паустовского, имеет важное значение в реконструкции уникальной колористической картины мира писателя. Дополненная обусловленной стремлением писателя воссоздать целостное представление о растении и отмеченной аксиологической модальностью многосторонней характеристикой растения — в реконструкции языковой картины мира К. Г. Паустовского, что представляется значимым в свете антропоцентричности современного языкознания.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Василевич А. П. и др. Цвет и названия цвета в русском языке. Москва: КомКнига, 2005. 216 с.

Женевская Е. В. Иконизация флористических концептов в австралийской и новозеландской картинах мира // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 1 (92). С. 105–110.

Кульпина В. Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. Москва: Московский Лицей, 2001. 470 с.

Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. Москва: МАКС Пресс, 2019. 288 с.

Летохо Е. В. Художественный мир малой прозы К. Г. Паустовского 1940–1960-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2010. 19 с.

Мантрова С. А. Человек и природа в прозе К. Г. Паустовского 1910–1940-х гг.: типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тамбов, 2011. 24 с.

Мачихина Е. П. Флористические текстовые единицы: их роль в творческой картине мира Б. Л. Пастернака // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 7 (63). С. 114–118.

Михайлова Е. В. Лингвокультурологический анализ фитонимов в текстах англо-, франко- и японоязычных версий Библии // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы III междунар. науч.-практ. конф. / Гл. ред. М. В. Норец. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 243–248.

Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Москва: Худож. лит., 1981–1986.

Садовникова М. А. и др. Влияние произведения К. Г. Паустовского «Заячьи лапы» на формирование системы ценностей младшего школьника // Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация: Материалы VII Всерос. студ. науч.-практ. конф. / Под ред. Е. В. Прониной. Владимир: Калейдоскоп, 2018. С. 61–63.

Сапрыкина Т. В. Эстетический идеал К. Г. Паустовского: прекрасное в природе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2011. № 2. С. 197–203.

Сивова Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Минск, 2018. 32 с.

Тарасенко Д. Ю. и др. Символические функции наименований цветов в аспекте сопоставления поэтических идиостилей // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 9 URL: <http://e-koncept.ru/2018/185027.htm>.

Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. Москва: Наука, 1984. 175 с.

Харченко В. К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. Москва: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2009. 532 с.

References

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S. A. Kuznetszov. Sankt-Peterburg: Norint, 2000. 1536 s.

Vasilevich A. P. i dr. Cvetet i nazvaniya cvetov v russkom yazyke. Moskva: KomKniga, 2005. 216 s.

Zhenevskaya E. V. Ikonizatsiya floristicheskikh konceptov v avstralijskoj i novozelandskoj kartinakh mira // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1 (92). S. 105–110.

Kul'pina V. G. Lingvistika cvetov. Terminy cvetov v pol'skom i russkom yazykakh. Moskva: Moskovskij Licej, 2001. 470 s.

Kul'pina V. G. Lingvisticheskaya cvetologiya: ot istorii k sovremennosti cvetovyx konceptosfer. Moskva: MAKS Press, 2019. 288 s.

Letokho E. V. Khudozhestvennyj mir maloj prozy K. G. Paustovskogo 1940–1960-x gg.: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Moskva, 2010. 19 s.

Mantrova S. A. Chelovek i priroda v proze K. G. Paustovskogo 1910–1940-kh gg.: tipologiya geroya, specifika konflikta, problema tvorcheskoj evolyucii: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Tambov, 2011. 24 s.

Machikhina E. P. Floristicheskie tekstovye edinicy: ix rol' v tvorcheskoj kartine mira B. L. Pasternaka // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2008. Vyp. 7 (63). S. 114–118.

Mikhajlova E. V. Lingvokul'turologicheskij analiz fitonimov v tekstakh anglo-, franko- i yaponoyazychnykh versij Biblii // Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podkhod: Materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Gl. red. M. V. Norecz. Simferopol': IT «ARIAL», 2019. S. 243–248.

Paustovskij K. G. Sobranie sochinenij: V 9 t. Moskva: Khudozh. lit., 1981–1986.

Sadovnikova M. A. i dr. Vliyanie proizvedeniya K. G. Paustovskogo “Zayachji lapy” na formirovanie sistemy cennostej mladshego shkol'nika // Molodyozh i budushchee: professional'naya i lichnostnaya samorealizatsiya: Materialy VII Vseros. stud. nauch.-prakt. konf. / Pod red. E. V. Proninoy. Vladimir: Kalejdoskop, 2018. S. 61–63.

Saprykina T. V. Esteticheskij ideal K. G. Paustovskogo: prekrasnoe v prirode // Uchyonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2. S. 197–203.

Sivova T. V. Vzaimosvyaz' cvetov, sveta i khronotopa v yazyke proizvedenij K. G. Paustovskogo. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.02. Minsk, 2018. 32 s.

Tarasenko D. Yu. i dr. Simvolicheskie funktsii naimenovanij cvetov v aspekte sopostavleniya poeticheskikh idiosilej // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal “Koncept”. 2018. № 9 URL: <http://e-koncept.ru/2018/185027.htm>.

Frumkina R. M. Cvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psicholingvisticheskogo analiza. Moskva: Nauka, 1984. 175 s.

Kharchenko V. K. Slovar' czveta: real'noe, potencial'noe, avtorskoe. Moskva: Lit. in-t im. A. M. Gor'kogo, 2009. 532 s.

Сведения об авторе: Татьяна Викторовна Сивова; кандидат филологических наук; доцент; Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; доцент кафедры журналистики; ORCID 0000-0002-8800-9987; sitavi@tut.by; сфера научных интересов: лингвистика цвета, язык СМИ.

The author's profile: Tatyana Viktorovna Sivova; Candidate of Philology; Yanka Kupala State University of Grodno; Associate Professor at the Department of Journalism; ORCID 0000-0002-8800-9987; sitavi@tut.by; research interests: linguistics of color, media language.